

МЕТОД СОКРАТА

*Искусство задавать вопросы
о мире и о себе*

УОРД ФАРНСВОРТ

Уорд Фарнсворт Метод Сократа: Искусство задавать вопросы о мире и о себе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69675565

*Метод Сократа: Искусство задавать вопросы о мире и о себе: Альпина
нон-фикшн; Москва; 2023
ISBN 9785002231324*

Аннотация

Книга американского правоведа посвящена сократическому диалогу – одному из действенных и испытанных инструментов выстраивания правильного рассуждения, – оставленному нам античной философией. В авторской интерпретации метод Сократа противопоставляется бездумному и поверхностному вынесению категоричных суждений, которое стимулируется современной интернет-коммуникацией. «Если бы мне пришлось в одном слове выразить антитезу метода Сократа, то я использовал бы слово „Твиттер“», – пишет Уорд Фарнсворт. В центре его критики – неспособность современного человека, причем по всему миру, думать критически и самостоятельно, подвергая сомнению освященные традицией, поддерживаемые привычкой или навязываемые властью оценки и мнения. Именно

неспособность мыслить по-сократовски изображается в книге подоплекой «всего того буйства невежества и лицемерия, каким характеризуется нынешний политический дискурс».

Вот вам метод Сократа в самой примитивной форме: когда кто-то заявляет, что нечто является хорошим или плохим, правильным или неправильным, немедленно подвергайте такие речи сомнению. Спросите, что значит подобное заявление, сопоставьте его с другими утверждениями собеседника и попытайтесь найти противоречие; посредством наводящих вопросов покажите, что сделанное заявление не вполне удовлетворяет даже того, кто его озвучил. По сути, вы отрицаете то, что было высказано собеседником, но делаете это искусно. Если все делать правильно, то это даже не прозвучит как отрицание. Потом собеседник попытается уточнить свой тезис, а вы снова начнете искать в нем противоречие – и так далее.

Для кого

Эта книга для тех, кто ценит сомнение и готов подвергать ему любую устоявшуюся истину. Кроме того, она для тех, кого бесят социальные сети, раздражает догматика любого типа и возмущает государственное телевидение.

У нас внутри всегда должна работать оппозиционная партия – начало, постоянно оспаривающее то, что нам кажется известным. Внутренний Сократ – достойный оппонент.

Содержание

Предисловие	9
1	25
2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Уорд Фарнсворт Метод Сократа: Искусство задавать вопросы о мире и о себе

Переводчик *Анна Попова*

Научный редактор *Станислав Наранович*

Редактор *Андрей Захаров, канд. филос. наук*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Сметанникова, Л. Татнинова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Дизайн обложки *Olivia Knapp*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ward Farnsworth, 2021

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

МЕТОД СОКРАТА

*Искусство задавать вопросы
о мире и о себе*

УОРД ФАРНСВОРТ

Перевод с английского

Москва, 2023

Предисловие

Метод Сократа – это стиль мышления. Это стимулятор для интеллекта и противоядие от тупости. Нужно сказать об этом с самого начала, поскольку многие люди считают сократический метод не более чем техникой обучения – если, конечно, им вообще доводилось о нем слышать. В принципе, так оно и есть; но причина, из-за которой метод Сократа полезен в университетской аудитории или школьном классе, заключается в том, что присущий ему стиль мышления лучше того, который по привычке применяется нами для осмысления чего-то важного. Сократ задавал людям вопросы не для того, чтобы призвать нас делать то же самое, а для того, чтобы научить нас думать. Именно это делает его метод интересным для всех в любых положениях, а не только для специалистов в особых случаях. Я предлагаю читателю практическое руководство, и первый урок, который следует из него извлечь, состоит в том, что практиком сократического метода может быть кто угодно, причем в любой ситуации.

В книге объясняется, что такое сократический метод и как применять его в первоначальном виде, то есть в той манере, в какой это делал сам Сократ в диалогах Платона. Это книга о том, как работает наш разум. Кроме того, в более широком смысле это и практическое введение в философию прославленного мудреца. Сократическая философия неизменно по-

ражает: она не дает окончательных ответов на сложные вопросы, но зато содержит в себе навык задавания сложных вопросов и поиска ответов на них. Сократический образ мысли – путь к мудрости, но не сама мудрость в готовом виде; он в принципе отрицает возможность того, что мудрость может быть окончательной и завершенной. Предложенный Сократом метод полезен в размышлениях о любой проблеме, какой бы насущной или, наоборот, тривиальной она ни была, – и о том, как правильно жить, и о том, кому выгуливать собаку.

Кроме того, в книге рассказывается история происхождения стоицизма – того комплекса античных идей, который до сих пор привлекает многих. Доктрины стоиков, сохраняющие притягательность и сейчас, происходят из поучений Сократа, поэтому всем, кто интересуется стоической мудростью, полезно понимать, как она соотносится с тем, что говорил Сократ. В свою очередь, люди, интересующиеся Сократом, с легкостью найдут у стоиков примеры приложения сократического способа мышления к повседневной жизни.

Учение Сократа способно также усовершенствовать обсуждение всякого рода сложных тем. Помимо всего прочего, пользоваться сократическим методом – это значит задавать и принимать вопросы с бесстрашием; говорить то, что думаешь, и не горячиться, когда другие поступают так же; любить истину и не терять скромности, даже если овладел ею. Другими словами, в этом методе – множество хороших обыкно-

вений, которые в последнее время исчезают из нашего культурного дискурса.

* * *

Таковы цели настоящей книги, представленные вкратце. А вот их более полное изложение.

— 1. Около 2500 лет назад Платон написал ряд диалогов, посвященных этическим и прочим вопросам. Большинство из них, особенно те, которые принято относить к ранним, построены по одной и той же схеме. Сам Платон в них не появляется. В этих диалогах с людьми беседует Сократ. Обычно он задает собеседникам вопросы, на которые, как им кажется, они знают ответы. Сократ тестирует то, что они говорят, раскладывает их утверждения на составные части и показывает, что их знакомство с предметом не настолько основательное, как представлялось изначально. У читателей, как правило, остается такое же мнение, но на этот раз о себе. Возможно, это прозвучит излишне прямолинейно, но манера, в какой Сократ это делает, а также причины, побуждающие его так поступать, комбинируются в замечательный способ размышления на самые разные темы. Мы будем называть его «сократическим методом» (или «методом Сократа»).

Метод Сократа часто называют одним из выдающихся свершений античной мысли. Грегори Властос, самый яркий

исследователь нашего предмета в XX в., назвал его «одним из величайших достижений человечества», потому что

с его помощью моральное исследование делается общечеловеческим делом, доступным каждому. Чтобы практиковать этот метод, не обязательно придерживаться той или иной философской системы, осваивать специальные техники или применять формальную терминологию. Нужен лишь здравый смысл и разделяемый собеседниками язык¹.

Сократический метод имеет ценность в праве, политике и других предметах, требующих обоснованных суждений. Джон Стюарт Милль считал, что метод Сократа оказал глубочайшее воздействие на его мышление, став подлинным открытием. В своем эссе о Платоне он рассуждал о том, что человечество в долгу перед ним «за этот величайший и несравненный дар»².

Таким образом, метод – ценнейшее наследие Сократа, а сам Сократ, вероятно, наиболее величественная фигура в истории западной мысли. Исходя из сказанного, можно было бы ожидать, что с основными особенностями сократического метода знакомы все. Однако на деле большинству людей они неизвестны; более того, даже видные интеллектуалы порой не видят в наставлениях Сократа практической пользы, по крайней мере, прямой и непосредственной. По-

¹ Vlastos, *The Paradox of Socrates*, p. 20.

² Robson, ed., *Collected Works of John Stuart Mill*, vol. 11, p. 46.

чему же образовалась такая пропасть между признанием, во всяком случае на словах, той ценности, которой обладает сократический метод, и реальной осведомленностью о нем?

По моему мнению, на то есть три причины. Во-первых, в диалогах Платона сам метод толком не объясняется. Он просто фоновым образом используется в дискуссиях на разные темы. Метод приходится самостоятельно извлекать из того, как Сократ говорит и действует, а также из того, как он аргументирует свои слова и поступки; тот читатель, который попытается найти в сократическом диалоге прямые инструкции по использованию метода, ничего подобного не обнаружит.

Во-вторых, обсуждения, описываемые в диалогах, да и сама фигура Сократа, нередко обескураживают. Персонажи часто спорят о вопросах, едва ли способных заинтересовать читателя. Они завершают дискуссию ничем, за исключением констатации того, что на поставленный вопрос нет должного ответа, а выдвигаемые ими аргументы иногда кажутся притянутыми за уши или формалистичными. Разобраться в этих аргументах до такой степени, чтобы насладиться сократическим методом и извлечь из него уроки, – своего рода работа, которая для большинства читателей, мягко говоря, остается навыком, приобретаемым тяжело и не сразу.

В-третьих, метод Сократа вряд ли когда-нибудь станет популярным, поскольку он не дает того, чего, как представляется большинству людей, они сами желают. Поучения Сократа

та не сулят ни богатства, ни известности. Не обещают они и награды после смерти. Они не содержат ответов на мучающие нас вопросы и не подтверждают нашей правоты в том, что мы уже и так считаем верным. А вот что наставления Сократа действительно дают, так это мудрость; но это благо всегда дается нам ценой определенных неудобств. Человеческая тяга к мудрости и готовность мириться с дискомфортом, с нею связанным, никогда не были сильными людскими качествами – ни в Античности, ни в наши дни.

Все эти наблюдения помогают понять, почему метод Сократа большинству людей неизвестен и в школах не преподается – хотя, как представляется, напрасно. Элементы сократического метода просты и действенны, их легко понимать и интересно применять. Метод может оказаться результативным даже для тех, кто больше ничего о философии не знает. Он полезен в размышлениях и спорах, касающихся вещей, которые важны для любого человека наших дней, а не только для современников Платона. А еще, что немаловажно, сократический метод действительно ведет к счастью (в античном смысле этого слова) – к лучшей жизни, не говоря уже о хорошем настроении.

Поскольку в диалогах доступное изложение самого метода отсутствует, моя книга призвана восполнить этот пробел. В ней я попытаюсь облегчить постижение как идей Сократа, так и его метода в особенности.

—2. О Сократе и Платоне написано множество книг, поэтому нужно отдельно сказать, почему стоило написать еще одну. Почти все подобные книги созданы историками философии. Их работа состоит в том, чтобы внимательно изучать Платона, искать способы наиболее точной их интерпретации и обучать этому студентов. Я читаю труды этих ученых и восхищаюсь ими. Но при этом меня очень интересует вопрос о том, как метод Сократа может применяться на деле, причем не только преподавателями, но и всеми остальными. Я имею в виду превращение указанной методики из экзотического обитателя зоопарка в домашнего питомца. Разница между нашими подходами не слишком значительна: ведь мне тоже интересно, что хотел сказать Платон, и я тоже буду в изобилии цитировать научные работы на эту тему. Но все же мне хотелось бы сосредоточиться на прикладных аспектах сократического метода. Моя книга адресована тем, кто обращается к философии таким же образом, как это делал сам Сократ, — как к ежедневным упражнениям, помогающим понять, как жизнь устроена и как ее прожить, — и кому интересно, в чем Сократу виделось совершенствование этих навыков.

На практике сказанное означает, что подробному текстологическому анализу каждого затрагиваемого вопроса в моей книге будет уделяться меньше внимания, чем в других подобных работах. Платон дает безбрежную пищу для споров. Вам потребуется немало времени и слов, чтобы защи-

тить любое свое суждение о Платоне от ваших оппонентов и критиков. Мне, однако, хотелось бы, чтобы книга сохранила умеренный объем, а этого невозможно добиться, если последовательно рассматривать каждый аргумент, попадающий в наше поле зрения. Поэтому множество сложных вопросов рассматриваются мной лишь поверхностно, по касательной, а сноски подскажут, где при желании можно узнать о них побольше. Перед читателем, которому требуется более полная интерпретация, открывается выбор из сотен работ. Многие из них перечислены в списке литературы, однако это далеко не полный алфавитный указатель работ, посвященных нашей теме, – в основном в него включены те источники, которые цитируются в тексте. Тем не менее и его вполне достаточно, чтобы представить заинтересовавшемуся «точки входа» в профильную литературу.

— 3. Несколько лет назад я написал книгу под названием «Практика стоицизма» (The Practicing Stoic). В ней были представлены те идеи античной стоической философии, которые способны увлечь и современного читателя. По сути, моя новая книга служит приквелом к «Практике стоицизма», поскольку в ней объясняется, откуда появилась сама эта философская школа. Стоики считали себя наследниками и последователями Сократа, а влияние, которое он оказал на них, поистине огромно; этику стоицизма действительно можно рассматривать как дальнейшее развитие и уточне-

ние того, чему учил Сократ. И книга показывает, почему это так. Чтобы получить удовольствие от того, что будет изложено ниже, никаких предварительных знаний о стоицизме не потребуется, однако тем, кто по-настоящему заинтересуется сократическим методом, придется обратиться и к стоицизму тоже. Многим читателям стоицизм нравится больше других философских школ, поскольку его положения можно применять в повседневной жизни. В этом стоическая мудрость схожа с поучениями Сократа. И там и здесь формируется мышление, приносящее пользу каждую минуту. Таким же, как мы убедимся ниже, является и мирозерцание Эпиктета: из этого стиля мышления естественным образом вытекают многие, более конкретные стоические принципы.

То же самое можно сказать и о скептицизме – еще одной философской традиции, имеющей множество современных приверженцев, которые обращаются к этой системе целенаправленно или неосознанно. Античные скептики были учениками Сократа и соперниками стоиков. Их взгляды мы тоже не оставим без внимания.

—4. В книге будут изложены и некоторые идеи о том, как поучения Сократа соотносятся с нашими нынешними культурными и политическими проблемами. Давайте на минутку остановимся на любопытном моменте. Древние римляне построили сложную водопроводную систему, позволяющую доставлять воду туда, куда нужно. Эта сеть труб бы-

ла настоящим чудом. Однако многие трубы изготавливали из свинца, а свинец попадал в воду. Есть даже такая историческая школа, которая видит в этом одну из причин упадка и разрушения Рима: мол, отравление свинцом постепенно вызывало побочные эффекты, ухудшая мыслительные способности многих римлян, в том числе и находящихся у власти. Эта теория зачастую оспаривается; возможно, в ней нет ни грана истины. Но в качестве метафоры она весьма выразительна. Мы тоже сконструировали сложные системы, позволяющие обмениваться информацией, – прежде всего интернет и социальные медиа. И они тоже кажутся чудом. Но при этом по ним также распространяется своего рода яд. Разум, питающий себя из этих источников, приучается к беззаботному существованию за счет скоропалительных выводов, неоспоримых очевидностей, незамысловатых теорий и отчаянной злобы. Он жаждет исключительно одобрения и подтверждения и возмущается, когда ему противоречат. Способность концентрироваться стремительно падает; зашоренность мышления, понемногу распространяясь, сначала входит в норму, а затем и вовсе начинает восхваляться. Способность к взвешенному диалогу с несогласными людьми постепенно сходит на нет. Теория свинцовых труб интернета и их пагубного влияния на нашу культуру кажется мне куда более правдоподобной, чем рассуждения о роли свинцовых труб водопровода в падении Рима.

Сократический метод помогает исправить ситуацию.

Прежде чем рассматривать его как технику, взгляните на него как на этику терпения, исследования, скромности и сомнения – другими словами, то самое здоровое отношение к проблеме, которое не поощряется в социальных сетях и все заметнее исчезает из политической и культурной жизни. Пользующийся этим методом ставит трудные вопросы с бесстрашием и принимает их без обиды; в его глазах брошенный вызов и опровержение предстают актами дружбы. Сократ, как мы увидим, порой любит определять ускользающее понятие через его противоположность. Мы также воспользуемся этим подходом. Если бы мне пришлось в одном слове выразить антитезу метода Сократа, то я использовал бы слово «Твиттер».

Угроза подобных технологий для качества нашего дискурса, а также ущерб, уже нанесенный ими, очевидны для всех. Однако пока мы сражаемся с силами, еще не получившими четкого определения, хоть оно и было бы полезно. Фанатичная пристрастность, склонность выдавать желаемое за действительное вместо того, чтобы докапываться до истины, шельмование инакомыслящих, цензура или самоцензура мнений, не снискавших одобрения, неспособность несогласных к общению, не говоря уже о сотрудничестве, – все перечисленные явления находятся на подъеме, распространяясь все шире. Большинство думающих людей воспринимает их со страхом и отвращением, ужасаясь тому, что еще может ждать нас впереди. Упомянутые тенденции пока не слились

в единый поток, за исключением, вероятно, тех контекстов, в которых сторонники одного политического лагеря пытаются приписывать все подобные пороки (или самые ужасные из них) исключительно своим оппонентам. Альтернатива же всему этому массиву неразумия, взятому в совокупности, еще не формулировалась в виде целостной программы. Происходящее не нравится никому, но у сопротивления пока нет ни формы, ни плана, ни героя.

В этой книге долгожданным героем предстает Сократ, а планом сопротивления – его метод, который естественным порядком одолевает все скопище вышеперечисленных пороков. Вы можете различать пороки и распределять их между политическими крайностями как вам угодно; сократическое состояние ума в любом случае будет лучшим средством против них. Сократический метод концентрирует в себе несколько важных вещей сразу: это мыслительный аппарат, имеющий мощное логическое обоснование, набор эффективных инструментов и хорошая родословная. Те, кто намерен противостоять коррозии мышления и дискурса, причем по всем фронтам, могут – перед присоединением к той или иной группировке – объявить себя сократиками: тем самым, прежде чем взяться за оружие, они примут на себя обязательство следовать тем правилам ведения дискуссии, которые завещал нам Сократ. В книге объясняется, что подобное обязательство означает.

Как человеку из университетской среды мне особенно хо-

чется, чтобы эта книга предложила этику, следуя которой академические учреждения сделаются еще более эффективными. Их благополучие явно нуждается в сократической рецептуре: им стоило бы привыкнуть неустанно рассуждать, бесстрашно опровергать и не бояться сложных вопросов, когда таковые возникают. Университет должен превратиться в подобие сократического гимнасия.

—5. Книга охватывает широкий круг тем, имеющих отношение к методу Сократа, и каждому читателю одни ее части покажутся интереснее других. Ниже предлагается небольшой путеводитель по ее страницам.

В главах 1 и 2 содержится необходимая исходная информация. В главе 1 разговор пойдет о том, кем был (или мог быть) Сократ, а также о том, как исторический Сократ соотносится с литературным Сократом. В главе 2 обозначается различие между идеями Платона и методами Сократа, представленными в платоновских диалогах.

Главы с 3 по 12 показывают, как работает сократический метод. В главе 3 его элементы представляются целостно, а затем растолковываются детально. В главе 4 обсуждается использование сократического метода не столько в разговорах с другими, сколько в индивидуальном мыслительном процессе. В главе 5 обсуждается исследовательский подход, основанный на вопросах и ответах. Главы 6 и 7 объясняют, что такое «эленхос» – любимый тип аргументации, использу-

емый Сократом, и подчеркивают важность непротиворечивости в сократическом размышлении. Глава 8 посвящена тому, как Сократ обозначает и преодолевает различия, а в главе 9 представляется использование метода аналогий. В главе 10 рассматриваются некоторые базовые правила сократического диалога. Глава 11 посвящена невежеству, и в частности двойному невежеству, то есть неосведомленности о собственном незнании – проблеме, выступающей средоточием всего сократического проекта. Глава 12 имеет дело с апорией – тупиком, в который порой заводит сократический диалог, – и состоянием разума, возникающим в результате этого.

В главе 13 излагаются преимущества, которые дает метод Сократа. В главах с 14 по 16 показаны примеры того, к чему сократический метод может привести. В главе 14 кратко суммируются выводы Сократа относительно того, что значит счастье, и пути его обретения. В главе 15 рассказывается, как методологией Сократа пользовались стоики, продолжавшие размышлять над его выводами. В главе 16 аналогичному анализу подвергаются скептики.

В главах 17 и 18 читатель найдет несколько простых советов, касающихся того, как задавать собственные сократические вопросы. Наконец, в эпилоге метод Сократа и лежащая в его основе этика преобразуются в правила ведения дискуссий, протекающих в различных формах. В нем также говорится о важности сократической этики в жизни учебного заведения.

—6. Эта книга снабжена сносками. В некоторых из них содержатся краткие научные комментарии, относящиеся к основному тексту. Другие же просто отсылают заинтересованного читателя к источникам, позволяющим подробнее изучить тот или иной вопрос. Я предпочитаю постраничные сноски концевым сноскам, поскольку это избавляет от необходимости постоянно заглядывать в конец книги. Однако, если вы не любите сноски, просто не обращайтесь на них внимания: они никак не влияют на усвоение прочитанного.

Примечания относительно переводов приводятся в конце книги. Ссылки на тексты Платона следуют Стефановской нумерации. По ее цифрам легко найти нужный отрывок в любом издании платоновских диалогов. Они обозначают страницы превосходного издания трудов Платона, которое в XVI в. опубликовал Анри Этьенн, французский книгопечатник (Стефан – латинизированная версия его имени). В опубликованном им трехтомнике страницы пронумерованы от 1 до трехзначных чисел; кроме того, каждая страница делилась на части, обозначенные латинскими буквами от *a* до *e*. Этой пагинацией пользуются до сих пор для отсылки к нужным местам из Платона. (Аналогичная нумерация используется и для цитирования работ Плутарха, как мы увидим ниже.)

Получается очень удобно. Предположим, вы видите цитату из рассуждений Сократа, маркированную: *Пир*, 221d.

Взяв в руки «Пир» Платона в любом издании и переводе, на полях легко обнаружить знак 221d, отмечающий нужный пассаж. Технически такая метка означает, что цитата находится в разделе d на странице 221 того тома, в котором Стефан в свое время расположил этот диалог (в его собрании это третий том). Практически же все просто: по этому номеру легко найти цитату из Платона в любом издании его текстов.

Благодарности. За замечания и комментарии к черновикам этой книги я благодарю Генри Абелова, Филипа Боббитта, Роберта Чесни, Джона Дея, Александру Дельп, Виктора Ферререса Комеллу, Стэнли Фиша, Майкла Гагарина, Ребекку Гольдштейн, Дэвида Гринвальда, Марка Хелприна, Энтони Кеннеди, Эндрю Кулла, Сола Левмора, Энтони Лонга, Сюзан Морс, Брайана Переса-Дейпла, Рейда Пауэрса, Уильяма Пауэрса, Дэвида Раббана, Кристофера Робертса, Фреда Шауэра, Николаса Смита, Джефффри Стоуна, Юджина Волоха и Пола Вудраффа. Кроме того, выражаю признательность сотрудникам Юридической библиотеки Тарлтона в Техасском университете за оказанную мне великодушную профессиональную помощь.

1

Проблема Сократа

Кого мы имеем в виду, когда рассуждаем о методе и мыслях Сократа, – историческую личность или литературного персонажа? Если говорить кратко, то ответа на этот вопрос не знает никто. В сущности, это и не особенно важно, однако время от времени упомянутая проблема задает наше отношение к темам, затрагиваемым в диалогах. Тем не менее дискуссии, посвященные проблеме Сократа, сами по себе довольно интересны, и поэтому в настоящей главе мы остановимся на них подробнее, хотя и затронем лишь малую толику тематической литературы, которой нет конца и края. Читателям же, которым этот сюжет неинтересен или уже известен или которые хотят поскорее обратиться к практическим упражнениям с методом, не вдаваясь в исторические подробности, можно посоветовать безболезненно пропустить эту главу.

Позвольте предположить, что именно вам ничего по данной теме неизвестно, и кратко познакомить вас с Сократом, а также с теми, кто рассказывал людям о нем.

Сократ. Сократ жил примерно в 470–399 гг. до н. э. О его жизни нам известно относительно мало. Биографы антично-

сти утверждают, что отец его был каменщиком и что в юности Сократ, вероятно, осваивал то же ремесло. Во время Пелопоннесской войны, в которой Афины сражались со Спартой, Сократ служил в афинском войске. Тогда ему было уже за сорок. Он состоял в браке с женщиной по имени Ксантиппа. Согласно легенде, та была сварливой особой и как-то раз в ссоре даже вылила на мужа содержимое ночного горшка³. Еще у Сократа было три сына. Наш герой обладал, по-видимому, примечательной внешностью, которую часто описывают как уродливую. Говорили, что он пузат, что у него странный нос (вероятно, вздернутый) и что глаза у него навывкате⁴. Сохранились шутки о том, как он смотрит этими глазами в разные стороны, словно краб⁵.

Сократу постоянно приписывают как заслугу то, что именно он переориентировал философию с изучения природы на сложные вопросы повседневной жизни – ины-

³ Сенека. *О стойкости мудреца*, 18.6.

⁴ См., например: *Тезет*, 143е, где Феодор говорит Сократу: «Он не то чтобы прекрасной наружности и скорее даже похож на тебя своим вздернутым носом и глазами навывкате, разве что черты эти у него не так выражены». См. также отрывок из диалога «Менон» в начале главы 12. (Список переводчиков античных текстов с указанием переведенных ими сочинений см. в конце книги. – *Прим. ред.*)

⁵ Ксенофонт. *Пир*, гл. 5. Более подробное описание известной нам жизни Сократа см.: Guthrie, *History of Greek Philosophy*, vol. 3, ch. 8. (Рус. пер.: Гатри У. К. Ч. История греческой философии: в 6 т. Т. III: Софисты. Сократ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – *Прим. науч. ред.*)

ми словами, сделал ее интересной для каждого⁶. Хотя он не написал ни строчки, в Афинах эту противоречивую фигуру хорошо знали; его обожали ученики и пародировали драматурги, а его имя связывали с известными политическими злодеями (подробнее об этом ниже). Примерно в 70-летнем возрасте он предстал перед судом по обвинению в нечестии и развращении афинской молодежи. Суд присяжных по этому делу, по всей видимости, состоял из 500 граждан – мужчин старше 30 лет, выбранных по жребию (из 20 000 свободных афинян, достигших нужного возраста). Суд выслушал речи обвинения и защиты, а приговор определили голосованием. Сократа признали виновным и приговорили к смерти.

Платон. Платон жил примерно в 427–347 гг. до н. э. и умер в 80 лет. Он родился в знатной афинской семье, где у него были двое братьев и сестра. Биографы Античности пишут, что при рождении его называли Аристоклом, а Платон – всего лишь прозвище, означающее «широкий»; вероятно, то была отсылка к каким-то особенностям его лица или комплекции. Однако достоверно обо всем этом мы не знаем – личность Платона по-прежнему почти неведома для нас.

Наиболее подробным источником, повествующим о жизни Платона, остается послание, которое, как предполагается,

⁶ Гатри У. К. Ч. История греческой философии. Т. III; Annas, *Classical Greek Philosophy*, p. 281–283.

он написал в преклонном возрасте, – так называемое Седьмое письмо, подлинность которого оспаривается. Оно адресовано последователям Диона, бывшего ученика Платона, который стал политиком в Сиракузах и которого убили незадолго до написания документа. В письме говорится об увлечении Платона политикой в молодости и его поездках на Сицилию в зрелости. Еще в нем высказаны несколько идей, которые мы обсудим в главе 12. Один из историков античной философии предыдущего поколения обобщил – «исключительно ради забавы» – мнения своих коллег относительно Седьмого письма: из его подсчетов следовало, что 36 из них сочли документ подлинным, а 14 – подложным⁷. Некоторые же предпочли вообще воздержаться от суждений на сей счет. Как бы то ни было, большая часть письма состоит из повествования о тех или иных событиях, оно мало что говорит нам о самом Платоне. В связи с отсутствием достоверной информации о философе Ральф Уолдо Эмерсон сделал следующий комментарий:

Биография величайших гениев короче всякой

⁷ Guthrie, *History of Greek Philosophy*, vol. 5, p. 401. В более поздней работе Чарльз Кан заявляет: «У меня нет никаких сомнений в том, что письмо написал сам Платон» (Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 48). Джулия Аннас, напротив, считает, что Седьмое письмо представляет собой «настолько неубедительное произведение, что готовность многих специалистов принять его за подлинное демонстрирует в лучшем случае их страстное желание обнаружить за платоновской отстраненностью в диалогах хотя бы какой-то текст, неважно какой, в котором Платон выражал бы свою точку зрения открыто» (Annas, *Classical Greek Philosophy*, p. 285).

другой. О них не расскажут вам ничего их двоюродные братья. Гении живут в своих творениях; домашняя же или уличная их жизнь проста и чрезвычайно обыкновенна. Хотите ли узнать что-нибудь об их наклонностях и темпераменте? Самые пламенные приверженцы из их читателей весьма и весьма походят на них. В особенности Платон не имеет никакой внешней биографии. Любил ли он, был ли женат, имел ли детей? Ничего не известно. Все это зарисовано им как полотно картины. Хороший камин выжигает свой дым и чад, так и философ обращает ценность всего своего достояния на духовное⁸.

Вероятно, Платон стал учеником Сократа еще подростком. (Его дядя тоже входил в кружок Сократа.) Когда Сократ умер, Платону еще не было 30. На несколько лет он отправился на Сицилию и, возможно, странствовал еще где-то, а затем вернулся в Афины, основав там собственную школу – Академию. Его главными, а возможно и единственными, произведениями стали диалоги, которых насчитывается около 30. Сам он в них не фигурирует, однако в «Апологии» устами Сократа сообщается о его присутствии на суде. Многие ученые полагают, что первые диалоги Платон написал еще до своего путешествия, которое, как им видится, изменило направление его мысли⁹. Они также задаются вопро-

⁸ Emerson, *Representative Men*, p. 48. (Рус. пер.: Эмерсон Р. Э. Нравственная философия. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 231. – *Прим. науч. ред.*)

⁹ См., например: Гатри У. К. Ч. История греческой философии. Т. IV: Пла-

сом, удалось ли Платону написать хотя бы несколько сократических диалогов еще до кончины учителя.

Как говорят, у Сократа был ученик, еще более приближенный, чем Платон, – это Антисфен, который, по имеющимся данным, написал более 60 произведений различного объема, в том числе собственные сократические диалоги (такого рода диалоги превратились в небольшой самостоятельный жанр). Но ни одно из его сочинений не сохранилось. У нас есть лишь свидетельства других людей о том, что говорил Антисфен, причем по большей части эти суждения не слишком способствуют раскрытию исторической личности Сократа. Тем не менее античный историк Диоген Лаэртский пишет, что Антисфен и Платон не ладили, и их вражда в некоторой степени проливает свет (пусть и в нелицеприятной манере) на Платона как самостоятельную фигуру.

...Антисфен, говорят, собираясь однажды читать вслух написанное им, пригласил Платона послушать: тот спросил, о чем чтение, и Антисфен ответил: «О невозможности противоречия». «Как же ты сумел об этом написать?» – спросил Платон, давая понять, что Антисфен-то и противоречит сам себе. После этого Антисфен написал против Платона диалог под заглавием «Сафон», и с этих пор они держались друг с другом как чужие¹⁰.

тон. Человек и диалоги: ранний период. – СПб.: Владимир Даль, 2023. С. 35–39. Vlastos, *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*, p. 128–130.

¹⁰ Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*,

«Сафон» рифмуется с именем Платона, а означает «большой половой член»¹¹.

Ксенофонт (ок. 431–354 гг. до н. э.) был афинским полководцем, а также еще одним учеником Сократа и современником Платона. Он оставил пространные воспоминания о Сократе, в первую очередь в своих «Меморabiliaх». Эти воспоминания зачастую представляют собой диалоги Сократа с другими людьми. Сократ Ксенофонта – более прямой и менее тонкий моралист, чем Сократ Платона. Вот небольшой пример:

Исследуя вопрос, что такое зависть, Сократ находил, что она есть некоторая печаль, но печаль не о несчастье друзей или о счастье врагов: завистники, говорил он, только те, кто горюет по поводу счастья друзей. Когда некоторые удивлялись, как можно, любя кого-нибудь, печалиться о его счастье, он напоминал, что у многих бывает к тем или другим лицам такое чувство, при котором они не могут равнодушно смотреть на их бедствия и помогают им в несчастье, но при счастье их они испытывают печаль. Впрочем, с человеком рассудительным этого не может случиться, а у дураков всегда есть это чувство¹².

3.35.

¹¹ Это слово можно перевести и по-другому, хотя и похожим образом. См.: Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 6.

¹² Ксенофонт. *Воспоминания о Сократе*. Кн. III, гл. 9.

Ксенофонт покинул Афины незадолго до того, как Сократ предстал перед судом. Свои воспоминания о нем он записал позже – возможно, несколько десятилетий спустя. Похоже, что местами он опирается в них на диалоги Платона, а некоторые фрагменты и вовсе вымышлены. Так что полагаться на воспоминания Ксенофонта, как и на тексты Платона, довольно рискованно¹³. Вопрос о том, можно ли одного из них считать надежнее другого, мы рассмотрим ниже.

Аристофан (ок. 446–386 гг. до н. э.) сочинял комедии, где Сократ либо просто упоминается, либо фигурирует как действующее лицо и высмеивается (в первую очередь здесь следует упомянуть «Облака»). Эти исторические свидетельства о Сократе соблазняют нас сильнее прочих, поскольку они создавались не просто при жизни философа, но за 25 лет до его смерти. Несомненно, в Афинах он был широко известен, в аристофановских образах заметны и те черты, которые присущи платоновскому Сократу. Однако в других отношениях Сократ из «Облаков» отличается от прочих своих портретов. Здесь он преподает науку и ораторское искусство и ждет, что ему будут за это платить. Некоторые считают, что Аристофан использовал образ Сократа для обобщенного изображения софистов (странствующих учителей риторики и добродетели)¹⁴; другие же утвер-

¹³ Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 75–79, 393–401.

¹⁴ Обстоятельную дискуссию о софистах см.: Woodruff, *Socrates Among*

ждают, что Аристофан таким образом критиковал идеи Сократа о нравственном воспитании¹⁵. Для тех, кто занимается проблемой Сократа, все эти теории могут показаться интересными, но вот узнать, отражает ли аристофановский Сократ то, как он воспринимался публикой, или все же нечто большее, нет никакой возможности. Аристофан не позволяет нам понять, где заканчивается исторический Сократ и начинается литературное творчество¹⁶.

Несколько упоминаний о Сократе есть и в трудах Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Этот философ родился примерно через 15 лет после смерти Сократа. Однако Аристотель стал самым выдающимся учеником Платона, и потому естественно предположить, что он много узнал о Сократе как от своего учителя, так и из других источников. Кроме того, мы можем быть уверены, что Аристотель читал диалоги Платона, поскольку иногда он с очевидностью полагается именно на них. Вместе с тем в иные моменты он высказывает о Сократе нечто такое, чего невозможно было извлечь из диалогов. К сожалению, мы не знаем точно, когда он опирается на диалоги, а когда нет, и потому подкреплять диалоги ссылками на Аристотеля довольно опасно¹⁷. Еще одной

the Sophists; Гатри У. К. Ч. История греческой философии. Т. III.

¹⁵ Nussbaum, *Aristotle and Socrates*.

¹⁶ Основные разборы аристофановского образа Сократа см.: Dover, *Socrates in the Clouds*; Lacey, *Our Knowledge of Socrates*; Nussbaum, *Aristotle and Socrates*.

¹⁷ Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 85–87; Nehamas, *Voices of Silence*, p. 170.

причиной для беспокойства служит то, что его исторические свидетельства о других философах признаны не вполне надежными¹⁸. Впрочем, иногда его комментарии способны подействовать реконструкции образа исторического Сократа¹⁹.

Теперь мы можем непосредственно, хотя и кратко, обратиться к вопросу о том, кем является «Сократ», представленный в диалогах, – историческим Сократом или же литературным творением Платона. Вот контуры трех основных подходов к этой проблеме²⁰:

→ 1. Все это – Сократ. Возможно, все диалоги Платона есть попытка показать, что на самом деле думал и говорил настоящий Сократ. Разумеется, никто не считает диалоги дословными записями – они как минимум художественно переработаны. Но все же (как утверждает эта теория) все они довольно точно описывают настоящего Сократа. Сторонники этого взгляда указывают, что многие из платоновской аудитории еще помнили Сократа и его поучения; эти

¹⁸ Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 79–86.

¹⁹ Lacey, *Our Knowledge of Socrates*.

²⁰ Дебра Нейлз в работе «Агора, Академия и путь философии» (*Nails, Agora, Academy, and the Conduct of Philosophy*, p. 8–31) дает великолепный обзор современных позиций и ссылки на дополнительные источники. См. также: Waterfield, *Quest for the Historical Socrates*; Dorion, *Rise and Fall of the Socratic Problem*; Brickhouse and Smith, *Socratic Moral Psychology*; Nehamas, *Voices of Silence*, p. 160–165.

люди были бы недовольны, если бы Платон что-то искажил. Иногда у Платона протагонистом выступает не Сократ, а кто-то другой. Это показывает, что Платон сам принимал решения о том, какие слова вкладывать в уста Сократа, а какие нет. Не исключено, что он действительно ограничился тем, что Сократ высказал на самом деле.

У этой позиции мало сторонников²¹. Ее критики отмечают, что в диалогах Сократ порой занимает разные позиции по одному и тому же вопросу, противореча себе²². В «Апологии», например, он отрицает свой интерес к тем аспектам философии, которые заботят его в «Государстве» и «Федоне». Согласно Аристотелю, теория идей²³ не была детищем Сократа, но у Платона он постоянно говорит о ней. Поэтому в большинстве своем современные ученые уверены, что по крайней мере в некоторых диалогах запечатлены мысли самого Платона, вложенные в уста Сократа.

→ 2. *Все это – Платон.* Можно взглянуть на дело и по-другому: все, что Сократ высказывает в диалогах, представ-

²¹ Эту точку зрения называют «позицией Бёрнета – Тэйлора». См.: Burnet, *Greek Philosophy*; Taylor, *Socrates*, 162. (Рус. пер: Тэйлор К. Сократ: очень краткое введение. – М.: Астрель, 2010. – Прим. ред.)

²² Ross, *Plato's Theory of Ideas*; Popper, *Open Society and Its Enemies*, note 56. (Рус. пер.: Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. – М.: Культурная инициатива, 1992. – Прим. ред.)

²³ Англ. theory of forms – «теория форм». В русскоязычной библиографии вместо «форм» утвердилось понятие «идей». – Прим. науч. ред.

ляет собой мысли Платона – или, по крайней мере, им придумано. Главным же героем диалогов Сократ стал сугубо из-за уважения, питаемого Платоном к своему учителю. Несомненно, между литературным Сократом и реальным есть некоторое сходство, ведь персонаж художественного произведения может хотя бы отдаленно напоминать реального человека. Но Платон писал философские, а не исторические труды, причем за полвека он создал полмиллиона слов, выстроенных в блистательные тексты. Вероятно, источником гениальности, присущей его персонажам, выступал он сам. Сократ вдохновлял его и, возможно, подарил ему некоторые прозрения, но в основном диалоги показывают, как работал разум самого Платона. От Сократа в них очень немного; мы никогда не узнаем, сколько именно.

Все это звучит вполне правдоподобно. Платон нигде не утверждает, будто образ Сократа в диалогах отражает подлинную историческую личность. Он просто излагает истории, где появляется герой по имени Сократ; любое заявление о том, что этот герой схож с реальным человеком, будет лишь гипотетическим умозаключением. Кроме того, в нашем распоряжении есть труды еще одного ученика Сократа – Ксенофонта, который не оставляет места для подобных догадок. Он прямо говорит, что повествует об историческом Сократе и что его Сократ не похож на персонажа платоновских диалогов. Да, они отличаются не радикально, обе фигуры порой даже ставят одни и те же вопросы. Однако Сократ Ксенофон-

та и Сократ Платона отличаются в плане стилистики, изощренности и содержания рассуждений. Если портрет Ксенофонта точен, значит, у Платона образ безмерно приукрашен, и какие бы исторические черты он ни содержал, они слишком разрозненны и случайны, а потому не должны приниматься в расчет. С этой точки зрения к диалогам Платона можно относиться как к не слишком точному байопику: наслаждайтесь просмотром, но не думайте, что все так и было.

→ 3. *Все начинается с Сократа, а заканчивается Платоном.* Наиболее распространенная на сегодняшний день точка зрения не совпадает ни с одной из крайностей. Она заключается в том, что Платон начал писать диалоги, изображая Сократа более или менее близко к реальности²⁴. Некоторые полагают, что Платон записывал рассуждения Сократа, не так уж много добавляя от себя, другие думают, что Платон передает подлинные слова Сократа, но только до тех пор, пока сам с ними согласен²⁵. Затем идут переходные диалоги, где начинают появляться собственные идеи Платона, а потом поздние тексты, где от исторического Сократа нет вообще ничего.

²⁴ Обзор этой позиции с соответствующими свидетельствами см.: Graham, *Socrates and Plato*; Vlastos, *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*, ch. 2.

²⁵ См., например, у Гатри (Гатри У. К. Ч. История греческой философии. Т. IV. С. 106): в ранних диалогах Платон «восстанавливает в воображении форму и содержание бесед своего учителя». Ср. с рассуждениями Властоса: Vlastos, *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*, p. 50, 117.

Приверженцы этого воззрения иногда критикуют Ксенофонта. Они утверждают, что его Сократ не может быть настоящим (и, следовательно, Сократ из ранних диалогов Платона, напротив, *может* быть таковым). Сократ у Ксенофонта не подлинный, потому что, мол, он чересчур скучен и не сумел бы обрести ни преданных последователей, ни ярых врагов, какие у исторического Сократа, бесспорно, имелись²⁶. Но корень проблемы, по мнению некоторых, в том, что скучен сам Ксенофонт. Ему не хватило способностей, позволяющих раскрыть изящество Сократа. Не понимая его трудных рассуждений, он просто пропускал их – но как раз они-то и имели наибольшее значение. Эту позицию ярко подытожил Бертран Рассел:

Пересказ глупым человеком того, что говорит умный, никогда не бывает правильным, потому что он бессознательно превращает то, что слышит, в то, что он может понять. Я предпочел бы, чтобы мои слова передавал мой злейший враг среди философов, чем друг, несведущий в философии. Поэтому мы не можем принять то, что говорит Ксенофонт, если это включает какой-либо трудный вопрос в философии

²⁶ В «Парадоксе Сократа» Властос пишет: «Сократ Ксенофонта, благочестивый декламатор нравочений, у Крития вызвал бы разве что усмешку, а у Алкивиада – зевоту; в то же время у Платона Сократ таков, что может вывести из себя их обоих» (Vlastos, *Paradox of Socrates*, p. 2–3). Ср. с тем, что пишет Бёрнет: «Защита Сократа Ксенофонтом чересчур успешна. Сократа никогда не приговорили бы к смерти, если бы он был таким, каким его описывает Ксенофонт» (Burnet, *Greek Philosophy*, p. 149).

или является частью аргументации, направленной на то, чтобы доказать, что Сократ был несправедливо осужден²⁷.

В целом тезис Рассела кажется убедительным, однако он излишне суров к Ксенофону²⁸. Оставленные последним воспоминания о Сократе открыты для разнообразных трактовок и по-своему умны – как попытки либо защитить Сократа, либо раскрыть те стороны его личности, которые проигнорировал Платон²⁹. Но, конечно, следует помнить, что Ксенофонт все же был военным, а не философом; в нынешние времена он действительно покажется большинству из нас скучноватым. Впрочем, это может оказаться и его сильной стороной. Если мы хотим представить Сократа таким, каким он был на самом деле, – если нам требуется отчет, – то не мешало бы запросить его у человека жесткого и скучного. Приключения Шерлока Холмса лучше опишет доктор Ватсон, чем какой-нибудь другой Холмс.

²⁷ Russel, *History of Western Philosophy*, p. 82. (Рус. пер.: Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. 7-е изд. – М.: Академический Проект, 2009. С. 115. – *Прим. ред.*)

²⁸ Howland, *Xenophon's Philosophic Odyssey*; Vlastos, *Socrates, Ironist and Moral Philosopher*, p. 99–100; Morrison, *On Professor Vlastos's Xenophon*.

²⁹ Cooper, *Reason and Emotion: Essays in Ancient Moral Philosophy and Ethical Theory*. См. также мнение Дональда Моррисона: «В заслугу Ксенофону-писателю можно поставить то, что ему удалось обмануть профессора Властоса, заставив думать, будто его Сократ был слишком благочестив для выдвинутого против него обвинения» (Morrison, *On Professor Vlastos's Xenophon*, p. 19).

Между тем даже те, кто считает, что в платоновских диалогах Сократ изображается исторически верно, признают, что Платон обладал немалым литературным талантом. И хотя в этом таланте им видится подспорье, одновременно он заставлял и понервничать – причина указывалась выше: из гениев получаются неважные репортеры³⁰. Платон был достаточно талантлив для того, чтобы выдумать Сократа, причем нельзя исключать, что именно так он и поступил³¹.

Суд над Сократом. Теперь надо затронуть еще несколько сюжетов, связанных с проблемой Сократа. Мы уже убедились в том, что специалисты, считающие платоновского Сократа подлинным, нередко прибегают к следующему аргументу: поскольку многие из платоновского окружения знали Сократа лично, это обязывало Платона описывать его точно. По мнению Грегори Властоса, такой ход мысли особенно применим в отношении «Апологии», где Сократ защищает себя перед судом. На этом процессе присутствовали сотни афинян. Платону необходимо было изобразить своего пер-

³⁰ В работе «О Ксенофоне профессора Властоса» Моррисон пишет: «Учение о дружбе, изложенное Сократом в интерпретации Ксенофонта, было не настолько скучно, чтобы не вызвать интереса, – напротив, оно было новым, увлекательным и мудрым. А вот гений и характер Платона потребовали бы взять это учение и сделать еще более радикальным, еще более захватывающим, но одновременно нереалистичным, гипертрофированным и ложным» (Morrison, *On Professor Vlastos's Xenophon*, p. 18).

³¹ Рассел Б. История западной философии. С. 116.

сонажа так, чтобы они посчитали его убедительным. «Если мы с этим согласны, – пишет Властос, – то проблема источников оказывается решенной. Ибо тогда мы можем принять "Апологию" за пробный камень для правдоподобности мыслей и характера Сократа в других ранних диалогах Платона»³². Подобный вывод, однако, представляется скоропалительным. Ведь «Апология» не похожа на прочие диалоги. По большей части это вообще не диалог – по большей части это речь. Нетрудно предположить, что Платон действительно описал это событие более или менее точно, после чего отправил своего вымышленного Сократа в другие приключения, для которых не имелось сопоставимой исторической основы.

Если Платон написал «Апологию» с элементами литературного вымысла, это тоже не удивило бы нас. Как известно, Ксенофонт тоже написал о суде над Сократом, и его изложение отличается от платоновского. Каждый из них мог позволить себе отойти от исторической точности ради репутации своего учителя. И нам стоит задуматься, почему. Некоторые исследователи пришли к выводу, что суд над Сократом в значительной степени имел политическую подоплеку³³. Проиграв в 404 г. до н. э. войну со Спартой, Афи-

³² Vlastos, *Paradox of Socrates*, p. 4.

³³ Waterfield, *Xenophon on Socrates' Trial and Death*; Shorey, *What Plato Said*, p. 33. Ср.: Grote, *Plato and the Other Companions of Socrates*, vol. 1, p. 281; Brickhouse and Smith, *Socrates on Trial*, p. 2–10.

ны оказались под властью Тридцати тиранов – группы олигархов, благоволивших спартанцам. Их правление, продлившееся меньше года, оказалось довольно кровавым: сторонников демократии не только ссылали, но и казнили. Между тем Сократ все это время оставался в Афинах³⁴. Лидером Тридцати тиранов был один из его учеников по имени Критий; философ был знаком и с другими из тиранической тридцатки. Крития убили во время восстания, покончившего с его режимом. Суд над Сократом состоялся четыре года спустя. Мыслитель мог попасть под амнистию, освобождавшую граждан от судебного преследования за какую-либо причастность к преступлениям предыдущего режима, но материалы других судебных разбирательств того времени свидетельствуют, что политические претензии с легкостью обращались в преследования за «нечестие»³⁵. Это объясняет знаменитую реплику оратора Эсхина, брошенную полвека спустя: «Когда-то, афиняне, вы казнили софиста Сократа за то, что он оказался наставником Крития, одного из Тридцати, ниспровергнувших демократию»³⁶.

Причина, по которой Сократа судили и казнили, – самый сложный вопрос, и я коснулся лишь одной его грани. Неко-

³⁴ В «Апологии» (21a) Сократ упоминает сторонника демократии Херефонту; этот человек, говорит он афинянам, «разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами».

³⁵ Waterfield, *Xenophon on Socrates' Trial and Death*, p. 282–283.

³⁶ Эсхин. *Против Тимарха*, 1.173.

которые ученые отклоняют политические трактовки процесса, предпочитая опираться на версию платоновской «Апологии»³⁷. Для внесения окончательной ясности нам не хватает прямых свидетельств, поэтому к каждой точке зрения нужно относиться ответственно. Возможно, исторический Сократ был мудрым и благородным философом, чересчур честным для своего времени; возможно, он был своеобразным лидером секты, учившим своих последователей презрению к демократии и воспитывавшим будущих тиранов. В любом случае каждая из политических интерпретаций должна, по крайней мере, предупреждать нас о риске того, что ученики Сократа облагораживали и мифологизировали его образ.

Последовательность. Исследователи единодушны в том, что диалоги существенно отличаются друг от друга, но в большинстве своем они примерно одинаково видят список тех диалогов, где запечатлен сократический метод. При этом к настоящим сократическим диалогам принято относить прежде всего самые ранние. Но какие из диалогов были написаны раньше остальных и как установить это?

Ни один из платоновских диалогов не имеет датировки. Попытки расположить их по порядку стали предметом сотен исследований; автор одной из работ на эту тему насчитал 132 предложенные последовательности³⁸. Во многих иссле-

³⁷ Irwin, *Review: Socrates and Athenian Democracy*.

³⁸ Thesleff, *Studies in Platonic Chronology*.

дованиях использовалась стилометрия – изучение небольших стилистических изменений в диалогах, которое показывает, какие из них написаны приблизительно в одно и то же время. Но подобные изыскания не дают результата, если (как считают многие) Платон на протяжении жизни не раз возвращался к ранее написанным текстам и редактировал их либо если стилистические изменения были преднамеренными, а не неосознанными. Кроме того, стилометрия требует предварительных решений – как правило, касающихся тематических аспектов, – о том, какие именно диалоги следует брать за отправную точку. Дискуссия о последовательности диалогов поражает затраченными в течение веков усилиями и почти полным отсутствием консенсуса. Фактически договориться удалось лишь относительно пары довольно расплывчатых групп. Такой результат, впрочем, вполне в духе Сократа. Процесс исследования может быть поучительным, даже если не дает ответов.

Что касается упомянутых групп, то разделение всего массива диалогов на «ранние» и «поздние» сегодня принято большинством специалистов в качестве рабочей гипотезы³⁹. Ранними диалогами обычно считаются следующие тексты, расставленные здесь в алфавитном порядке: «Апология», «Гиппий больший», «Гиппий меньший», «Горгий», «Евти-

³⁹ Обсуждение обстоятельств, способствующих неопределенности в этом вопросе, см.: Annas, *What Are Plato's "Middle" Dialogues in the Middle Of?*; Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*.

дем», «Евтифрон», «Ион», «Критон», «Лахет», «Лисид», «Протагор» и «Хармид». Многие добавили бы к этому списку и первую книгу «Государства», которая, как считается, была написана раньше, чем остальные книги этого диалога, а также, возможно, «Менексена». Моя книга в основном опирается на диалоги из этого списка, но иногда мы будем обращаться и к более поздним диалогам, проливающим свет на обсуждаемые вопросы, в особенности к «Теэтету», но также и другим. Так или иначе, но в нижеследующем повествовании будет упомянута бóльшая часть диалогов. По моему мнению, сократический метод в значительной мере был создан Платоном, так что комментарии ко всему его творчеству помогут нам лучше его понять.

Единство против развития. Приведенная выше аргументация перекликается с еще одной дискуссией о том, как правильно читать Платона. Некоторые придерживаются позиции, которую можно назвать унитаристской: по их мнению, диалоги следует читать так, как если бы они были главами книги, завершенной одномоментно⁴⁰. Если между ними

⁴⁰ Первоначально унитаристский взгляд ассоциировался с Фридрихом Шлейермахером, немецким философом, опубликовавшим в начале XIX в. влиятельное исследование о Платоне. В науке XX в. более или менее унитаристские воззрения представлены в следующих трудах: Kahn, *Plato and the Socratic Dialogue*, p. 38–40; Friedlander, *Plato*, p. 162; Shorey, *Unity of Plato's Thought*. См. также комментарий к последнему из этих текстов: Sprague, *Platonic Unitarianism, or What Shorey Said*.

и есть различия, то из этого не стоит заключать, будто бы изменился сам Платон. В рамках указанного подхода предполагается, что за различиями стоят лишь литературные решения автора – либо потому, что подобное кажется вполне вероятным, либо же потому, что это самое конструктивное из доступных предположений. Читатели, руководствующиеся таким убеждением, склонны думать, что Платон довольно рано создал свою философию, а затем всю жизнь ее тем или иным образом выражал⁴¹. Описанному подходу противостоит так называемый девелопменталистский взгляд на диалоги; он предполагает, что Платон менял свои воззрения на протяжении своей жизни и в его творчестве это отражено. Девелопменталистский подход естественно (но отнюдь не обязательно) сопутствует идее о том, что в ранних диалогах перед нами предстает исторический Сократ, а в более поздних диалогах мы его не видим.

Рабочие предположения. По большей части эта книга опирается на те предпосылки, которые разделяются большинством историков античной философии. Во-первых, метод Сократа наиболее ярко представлен в наборе диалогов, написанных Платоном, скорее всего, в самом начале творческого пути. Во-вторых, эти «ранние» диалоги демонстрируют нам,

⁴¹ См. мнение Пола Шори: «В целом Платона можно отнести к типу мыслителей, чья философия сформировалась в ранние зрелые годы» (Shorey, *Unity of Plato's Thought*, p. 88).

пусть даже приблизительно, как действовал сам Сократ; поэтому я буду писать «Сократ говорил то-то» или «Сократ поступал так-то». Даже если предположить, что Сократ, представленный в ранних диалогах, остается лишь литературным персонажем, придуманным Платоном, то его подходы и его идеи все равно останутся непохожими на те, что мы видим в «поздних» диалогах. Было бы удобно как-либо различать их. Поэтому говорить так, как если бы ранние диалоги отражали слова «Сократа», а не Платона, полезно даже в том случае, если мы не слишком в этом уверены.

Мое собственное мнение немногого стоит, но я его выскажу, а вы можете не принимать его во внимание. На мой взгляд, Сократ ранних диалогов представляет собой смесь воображения Платона и его воспоминаний, причем второго, по-видимому, больше. Однако независимо от того, какое решение проблемы Сократа кажется наилучшим, нельзя забывать о свойственной ей неопределенности. Любая позиция может оказаться неверной. Тем не менее книга будет опираться на вышеупомянутые предположения, чтобы мы могли начать сам процесс обучения. Даже если выбранные предпосылки неверны (а такое возможно), то последующие рассуждения все равно останутся примерно теми же.

2

Метод против доктрины

В этой главе объясняется разница между методом Сократа и содержанием тех идей, о которых писал Платон. В этом деле нам отчасти поможет Джон Стюарт Милль, выдающийся британский философ и один из первых поборников сократического метода. Есть много способов размышлять о Сократе и учиться у него. В этой книге я пытаюсь заниматься этим в той манере, которую предложил Милль.

Текст и примечания. Статус Платона в глазах специалистов-философов не нуждается в комментариях. Однако людям, находящимся вне круга заинтересованных, присуще пусть и уважительное, но по большей части равнодушное отношение к этому мыслителю. Да, они признают его значимость и время от времени воздают ему должное. Вероятно, они уже знакомы с высказыванием Альфреда Норта Уайтхеда о том, что вся европейская философская традиция есть «лишь серия примечаний к Платону»⁴². Но на самом деле они предпочитают эти самые примечания. Они не считают себя платониками, не любят читать Платона и не связывают его с какими-либо конкретными идеями, которые представ-

⁴² Whitehead, *Process and Reality*, 2.1.1.

ляются им важными. Если они и помнят из Платона хотя бы что-нибудь, то это, как правило, теория идей, трактовка познания как припоминания или концепция правителей-философов. Ни во что из перечисленного сами они не верят. В силу сказанного многие читатели реагируют на Платона примерно так же, как это сделал Томас Джефферсон после прочтения «Государства». В одном из писем к Джону Адамсу он признавался:

Пробираясь через причуды, ребячество и непостижимый уму жаргон этого труда, я часто откладывал его, чтобы спросить себя, как могло случиться, что мир так долго соглашался принимать всерьез такую бессмыслицу, как эта. <...> Что касается современников, я думаю это скорее вопрос моды и авторитета. Образование находится главным образом в руках лиц, которые в силу своей профессии проявляют интерес к имени и фантазиям Платона. Они задают тон в школе, а немногие в последующие годы имеют возможность пересмотреть свои школьные взгляды⁴³.

Я привел здесь этот суровый приговор вовсе не для того, чтобы поддержать его. Лично мне Платон нравится. Я лишь хотел показать, как на него подчас смотрят даже просвещенные читатели, получившие классическое образование.

⁴³ Томас Джефферсон – Джону Адамсу, 5 июля 1814 г. Цит. по: Ford, *Writings of Thomas Jefferson*, vol. 9, p. 463. (Рус. пер.: Американские просветители. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1969. С. 102. – Прим. ред.)

(Как известно, Джефферсон отличался философской любознательностью, знал древнегреческий и любил Эпиктета, Эпикура и других античных философов⁴⁴.)

Сократ, в отличие от Платона, для большинства непрофессиональных читателей вообще мало что значит. У них он ассоциируется с изречением о том, что жизнь, которую не пытаются исследовать, не стоит того, чтобы ее прожить (хотя, возможно, это высказывание лучше было бы перевести так: «Нельзя прожить жизнь, не исследуя её»⁴⁵). Им также известно, что его рассудительность и храбрость много кого вдохновили. Однако его собственные идеи их ничуть не интересуют. Они восхищаются его репутацией, но на этом, пожалуй, и все. А зачастую они так и не могут оправиться от первого впечатления: Сократ кажется им чудачком, который постоянно докучал людям, причем без всякого толку.

⁴⁴ В письме Томаса Джефферсона к Уильяму Шорту от 31 октября 1819 г. есть следующий фрагмент: «Я иногда думаю о переводе Эпиктета (потому что он никогда не был сносно переведен на английский) с добавлением подлинных доктрин Эпикура из "Синтагмы" Гассенди и извлечений из евангелистов, извлечений, в которых видна печать красноречия и чистого воображения Иисуса». Цит. по: Американские просветители. Т. 2. С. 127–128.

⁴⁵ *Апология*, 38а; Ричард Краут в книге «Исследованная жизнь» выступает за первый вариант перевода (Краут, *Examined Life*, p. 230–231). (В русском переводе М. С. Соловьева фрагмент, откуда взята эта фраза, выглядит так: «Ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека». – Прим. ред.)

Сущность против метода. Чтобы в полной мере оценить наследие Сократа, полезно обратиться к Миллю, самому выдающемуся британскому мыслителю XIX в. Это был чрезвычайно разносторонний философ. Его труд «О свободе» – классика политической мысли, которая и сегодня продолжает убеждать и вдохновлять многих. (Главу 2 этого сочинения можно считать убедительной современной апологией сократической позиции.) Трактат «О подчинении женщины» значительно опередил свое время: в нем Милль выдвинул такие аргументы в защиту прав женщин, которые продолжают громко звучать в полемике даже спустя многие годы после его смерти. Большим влиянием пользовались также его работы по логике, экономике и истории. Его собрание сочинений насчитывает 33 тома. (Помимо этого, Милль находил время и заседать в парламенте.)

Я касаюсь здесь всей этой предыстории потому, что Милль будет играть весьма важную роль в моем дальнейшем повествовании. Он далеко не всем по нраву (хотя есть ли такие мыслители, кого любит каждый?), но его способность рассуждать безупречна; следовательно, полезно было бы обратиться и к его собственным учителям. Милль, подобно Джефферсону, любил философию, но, в отличие от Джефферсона, он был поклонником Платона. Фундаментальным образованием Милля занимался его отец. Ребенок рос вундеркиндом: уже к семи годам он читал Платона в ори-

гинале. В 20 с небольшим он перевел на английский язык девять платоновских диалогов, снабдив некоторые из них комментариями. Оставленные Миллем обзоры, посвященные творчеству Платона и Сократа, до сих пор остаются образцовыми. Он считал, что в качестве «дисциплины абстрактного рассуждения на самые сложные темы» метод Сократа остается «непревзойденным» и «ничто в современной жизни и в современном образовании ни в малейшей степени с ним не сравнится»⁴⁶. Милль пишет, что сократический метод

стал частью моего собственного разума; я всегда ощущал себя учеником Платона, воспитанным на его диалектике, в большей степени, чем любого известного мне современного мыслителя, за исключением, пожалуй, моего отца, а может, и включая его⁴⁷.

Стоит попытаться понять, почему так получилось.

Милль считал, что Платон может преподать нам два вида уроков. Во-первых, его философские идеи, или, по формулировке Милля, догматическая сторона. Под догматикой Милль подразумевал вовсе не безоговорочную приверженность каким-то недоказанным утверждениям, как можно было бы подумать, а те места платоновских сочинений, где делаются выводы и обозначаются определенные позиции. Вторым уроком служит сам стиль мышления Платона, то есть

⁴⁶ Mill, *Early Draft of John Stuart Mill's Autobiography*, p. 24.

⁴⁷ Там же.

метод, используемый Сократом в диалогах. По мнению Милля, именно этот метод составляет наилучшую часть диалогов Платона:

Таким образом, за вычетом незначительных отклонений, Платона можно разделить как бы на двух полноценных Платонов – сократика и догматика, из которых первый представляет для человечества гораздо большую ценность, но второй получает от него гораздо больше почестей. Это и неудивительно: ведь один мог послужить опорой для многих моральных и религиозных догм, а другой лишь прояснял и укреплял человеческое мышление⁴⁸.

В другом месте Милль высказал свою точку зрения еще более четко:

[С самого детства] я стал думать, что название учеников Платона скорее принадлежит мыслителям, которые воспитались на его процессе исследования и старались держаться его, чем людям, принимающим только некоторые догматические заключения, заимствованные из его наиболее непонятных сочинений, тогда как гений Платона и характер его творений заставляют сомневаться, не смотрел ли он сам на эти произведения только как на поэтическую фантазию или на философскую гипотезу⁴⁹.

⁴⁸ Robson, *Collected Works of John Stuart Mill*, vol. 11, p. 415.

⁴⁹ Там же, vol. 1, p. 25. (Рус. пер.: Джон Стюарт Милль. Автобиография. История моей жизни и убеждений. – М.: Книжное дело, 1896. С. 21. – *Прим. ред.*)

По Миллю, использовать слово «платоник» слишком поздно: теперь им обозначают сугубо тех, кто согласен с сущностью платоновских идей. Приверженцев же метода Сократа скорее нужно называть сократиками. Объяснение того, что значит быть сократиком, составляет, по сути, центральную тему моей книги.

Недуз. Какова цель сократического метода? Попробуем сформулировать этот вопрос в стиле самого Сократа. Люди носят очки потому, что без них внешний мир предстает смутным и расплывчатым; рентгеновские лучи позволяют им заглядывать внутрь своего физического «я»; но метод Сократа – для чего же нужен он? Он позволяет нам увидеть более четко кое-что еще, а именно функционирование и упущения разума и его производных. Вот как сформулировал это Милль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.